

Глава XXXV

Мне был смертельно нужен отдых, но последнее турне принесло нам больше славы, нежели денег, поэтому не время было останавливаться. Нехватка средств была настолько критична, что пришлось сократить объём Mother Earth с шестидесяти четырёх до тридцати двух страниц. Наше материальное положение вынудило меня снова читать лекции. Бен присоединился ко мне в Нью-Йорке в конце марта и к 15 апреля организовал для меня цикл выступлений по драматургии. Сначала всё шло неплохо, но май стал рекордсменом по количеству репрессий. За этот месяц полиция задерживала меня одиннадцать раз в самых разных местах.

Я сталкивалась с подобным и раньше, но шеф полиции Нью-Хейвена переплюнул своих коллег в изобретательности, придумав новый метод срыва мероприятий. Мне и Бену позволили войти в арендованный зал, а затем выставили у дверей полицейский кордон, который больше никого не впускал. Толпа людей, в том числе студенты, оказалась за ограждением. Однако вскоре начальник узнал, что «оригинальность» стоит дорого. Местные газеты, которые ранее никогда не интересовались нарушениями прав Эммы Гольдман, теперь высмеивали полицию за «вмешательство в мирные собрания».

Власти Нью-Йорка всегда выбирали глупейшие методы преследования анархистов, но никогда ещё их идиотизм не был таким вопиющим, как в тот воскресный день, когда в Лексингтон-Холле проходила третья лекция моего цикла. Крамольной темой на этот раз стала следующая: «Генрик Ибсен как основоположник современной драмы». До начала мероприятия несколько сыщиков подошли к владельцу зала с угрозами арестовать его и семью, если он позволит мне выступить. Бедняга был напуган, но аренда уже была оплачена, и это подтверждала квитанция. Хозяин ничего не мог поделать, и люди в штатском ушли, прихватив его с собой в участок.

Только я начала говорить, как ворвался отряд антианархистской полиции и заполнил зал. Едва я произнесла «Генрик Ибсен», как старший сержант выскочил на сцену и заорал: «Вы не придерживаетесь заявленной темы. Ещё раз такое повторится, и мы остановим лекцию».

«Я и говорю по теме», — тихо ответила я и продолжила выступление.

Офицер продолжал вмешиваться, постоянно напоминая мне «придерживаться темы». «Я придерживаюсь темы. Моя тема — Ибсен», — потеряв терпение, отозвалась я.

«Ничего подобного! — вскричал он. — Твоя тема — драма, а ты говоришь об Ибсене».

Смех публики ещё сильнее разозлил моего учёного оппонента. Прежде, чем я смогла продолжить, он приказал своим людям очистить зал, что они и сделали, выбивая стулья из-под людей и орудуя дубинками.

Так вышло, что на той лекции присутствовали в основном американцы, некоторые из них вели родословную от отцов-пилигримов. Среди них был мистер Олден Фриман из Ист-Оранж, сын известного акционера «Стэндрт Ойл». Это был его первый подобный опыт общения с полицейскими, и, естественно, он был возмущён их поведением, как и другие американцы голубых кровей.

Мы годами были объектами преследования, так что срыв лекции для нас не был чем-то из ряда вон выходящим. Не только мои выступления, но и собрания рабочих часто запрещались без всякой причины. Все двадцать лет общественной деятельности я до последней минуты не была уверена, позволят мне говорить или нет, буду я спать в своей постели или на досках в полицейском участке.

Когда потомки основателей США читали о подобной полицейской тактике, они, вероятно, думали, что я это заслужила, призывая к насилию или терактам. Ни они, ни пресса никогда не возражали. Однако на этот раз оскорбление было нанесено «настоящим» американцам, среди которых был сын миллионера, партнёр и закадычный друг Рокфеллера. Это просто так с рук сойти не могло. Даже *New York Times* пришла в ярость, остальные последовали её примеру. Газеты наполнились письмами протеста. Мой хороший приятель Уильям Мэрион Риди из *St. Louis Mirror* и мистер Льюис Пост из *Public* назвали преследование Эммы Гольдман замыслом полиции с целью превратить американскую Конституцию в русскую. Итогом стали учреждение Общества за свободу слова и манифест, подписанный американцами и американками, принадлежавшими к разным слоям общества. Писатели, художники, скульпторы, адвокаты, врачи, люди всевозможных убеждений выступили против методов нью-йоркской полиции.

Мистер Олден Фриман всю свою жизнь считал, что свобода слова — это реальность, а не просто притворство. Он был глубоко потрясён, столкнувшись с действительностью, и тут же присоединился к кампании комитета в защиту свободы слова. Мистер Фриман был уверен, что мне разрешат выступить в Ист-Оранж, его родном городе, и великодушно предложил организовать там митинг. Также он пригласил меня на обед в Обществе Мейфлауэр²⁷, в котором он состоял. «Как только люди увидят, что вы не та, кем вас пытается выставить пресса, все охотно придут послушать вас», — сказал он.

Члены Сообщества оказались неинтересными, их разговоры — скучными. К концу обеда стало известно о моём присутствии, и это произвело эффект разорвавшейся бомбы. На мгновение повисла гробовая тишина. Затем кое-кто из гостей вскочил на ноги и демонстративно удалился. Присутствовавших женщин будто парализовало: они не могли двинуться с места и судорожно искали свои флакончики с нюхательной солью. Некоторые из них бросали испепеляющие взгляды на мистера Фримана. Лишь несколько смельчаков отважились встретиться с монстром. Меня всё это лишь позабавило, но моего хозяина больно задело — это был второй за последнее время удар по его вере в идеалы американской свободы и традиции.

Третий удар настиг его вскоре после обеда. Сообщество Мэйфлауэр поставило вопрос о его исключении из организации за то, что он посмел привести Эмму Гольдман на их собрание. Но это не напугало мистера Фримана. Он отважно приступил к организации митинга в своём

родном городе.

В назначенный вечер мы обнаружили полицейских, перегородивших вход в зал и заявлявших, что лекция не состоится. Тогда мистер Фриман пригласил публику к себе домой; митинг состоится у него на лужайке, заявил он. Мы триумфально прошагали по улицам аристократического Ист-Оранджа, мимо роскошных особняков, в сопровождении огромной толпы, полиции и журналистов. Это была демонстрация, какой тихий городок ещё никогда не видел.

Мистер Фриман жил в прекрасном дворце, окружённом пышным садом. Это было частное владение, и полиция знала, что на данную территорию их власть не распространяется. Они не решились нарушить границы владения и остались за воротами. Гараж, в котором проходил митинг, оказался более комфортабельным, чем дом иного рабочего. Мерцали разноцветные фонари, отбрасывая фантастические тени. Всё это напоминало легендарное место рождения младенца-Христа, где возгласы «Аллилуйя!» превратились в песни свободы и бунта.

После событий в Ист-Оранже люди, о которых я никогда не слышала, приходили предложить помощь, оформляли подписку на Mother Earth, заказывали нашу литературу. Отведав полицейской дубинки, они осознали, что Эмма Гольдман — ни убийца, ни ведьма, ни сумасшедшая, а женщина с социальными идеалами, которые власти пытались запретить.

Общество за свободу слова начало свою кампанию с большого митинга в Купер-Юнион. Хотя был уже конец июля и стояла невыносимая жара, старинный зал был битком набит носителями самых разных общественных и политических идей. Выступающие расходились во взглядах практически на каждый вопрос, но все были единодушны в одном: было жизненно необходимо положить конец растущему деспотизму департамента полиции. Председателем собрания был мистер Олден Фриман, он в ироничной манере поведал, как его, сына одного из владельцев «Стэндрд Ойл», «толкнули в объятия анархизма». Перейдя на серьёзный тон, Фриман объявил цель собрания. «Если бы Эмма Гольдман сидела на этой сцене с кляпом во рту под присмотром двух полицейских, — начал он, — это наглядно представило бы причину нашей сегодняшней встречи, а также объяснило бы, почему послания протеста и солидарности приходят в Комитет за свободу слова нескончаемым потоком отовсюду, из городов от Атлантического до Тихого океана, от Мексиканского залива до Великих озёр».

Следующие ораторы высказались в том же ключе, самую яркую речь произнесла Вольтарина де Клер, заявив, что «свобода слова ничего не значит, если она не означает свободу говорить то, чего другие не хотят слышать».

Почти моментально в результате митинга и активной кампании Комитета мэр Мак-Клеллан уволил комиссара полиции генерала Бингхэма, армейские замашки которого стали причиной запретительных мер.

В разгар этих хлопот я получила письмо от сотрудника редакции Boston Globe, информирующее меня о конкурсе на лучшую версию новой Декларации независимости,

который планировала провести газета. Несколько радикалов уже согласились участвовать; не хочу ли и я внести свой вклад? Автор письма обещал, что лучшее эссе будет опубликовано в Globe, а автор получит гонорар. Я ответила, что, хотя сейчас мало кого из американцев волнует независимость, я приму участие в конкурсе ради развлечения. Я отправила в Globe статью, в которой полностью сохранила структуру Декларации независимости, изменив формулировки и смысл её положений. Через какое-то время я получила конверт с чеком и гранками моей Декларации. В сопроводительном письме от моего друга-газетчика пояснялось, что владелец случайно увидел гранки, лежавшие на редакторском столе. «Вышли этой женщине чек и верни ей эту чёртову анархистскую декларацию, — приказал он. — Я не хочу видеть её в Globe».

Следующий номер Mother Earth как раз готовился к печати, и мы успели поставить мою статью, заменив ею менее важные материалы. Новую Декларацию независимости 4 июля прочли тысячи людей, мы продали много копий и распространили массу журналов бесплатно.

В сентябре мы с Беном поехали в короткое турне по Массачусетсу и Вермонту. Митинги отменялись, отменялись и отменялись, либо благодаря прямому вмешательству полиции, либо путём запугивания владельцев залов. В Вустере, штат Массачусетс, благодаря содействию преподобного доктора Элиота Уайта и его жены, миссис Мейбл Уайт, я выступила на улице. Они последовали примеру нашего друга Олдена Фримана и гостеприимно предложили свою просторную лужайку. Идеи анархизма звучали там не под «звёздами и полосами», но под более подходящим пологом — безграничным небом с миллиардами мерцающих звёзд, а раскидистые деревья скрывали нас от любопытных взоров.

Самым важным событием за время нашего пребывания в Вустере было выступление Зигмунда Фрейда по случаю двадцатой годовщины Университета Кларка. Я была глубоко поражена ясностью его ума и простотой изложения мыслей. Среди массы профессоров, выглядевших чопорно и важно в своих университетских шапочках и балахонах, Зигмунд Фрейд в простом костюме, скромный, почти застенчивый, выделялся как великан среди пигмеев. Он немного постарел с тех пор, как я слушала его в Вене в 1896 году. Тогда его ругали как еврея и безответственного новатора, теперь он был фигурой мирового масштаба, но ни бесчестье, ни слава не повлияли на этого великого человека.

По возвращении в Нью-Йорк я была захвачена новой борьбой. Началась забастовка на швейных предприятиях, насчитывающая пятнадцать тысяч участников; в Мак-Киспорт, штат Пенсильвания, бастовали рабочие-сталевары. Нужно было собрать денег на обе стачки. Поскольку анархисты всегда одними из первых откликались на просьбу о помощи, мне пришлось выступать на многочисленных митингах и посещать рабочие организации, чтобы они поддержали братские профсоюзы.

Затем началось восстание в Испании. В знак протеста против кровопролития в Марокко испанские рабочие решили объявить всеобщую забастовку. Как обычно, американская пресса искажала картину происходящего. Мы должны были немедленно начать действовать, чтобы представить события в истинном свете. Наши испанские товарищи,

живущие в Америке, попросили меня помочь, и я с радостью откликнулась.

Вскоре мы получили известия о том, что в Барселоне был арестован Франсиско Феррер, анархист и независимый педагог, которого обвинили в организации всеобщей забастовки. Мы понимали грозившую ему опасность и знали, что необходимо поднять американскую интеллигенцию на его защиту.

Франсиско Феррер

В Европе многие известные люди прогрессивных убеждений начали активную кампанию в защиту Франсиско Феррера. В Америке таких деятелей было слишком мало, чтобы можно было добиться тех же результатов, поэтому ситуация требовала большей инициативы с нашей стороны. Митинги, конференции, Mother Earth и постоянный людской поток — мы были заняты с раннего утра до поздней ночи.

У меня было запланировано мероприятие в Филадельфии, куда Бен поехал на несколько дней раньше. По приезде товарищи сообщили ему, что все радикальные собрания в Городе братской любви сейчас были под запретом. Бен, всё ещё доверявший полицейским чиновникам, пошёл к начальнику общественной безопасности, который в Филадельфии был царём. Он встретил Бена неприветливо и заявил, что никогда не позволит Эмме Гольдман выступить в «его» городе. Местные сторонники единого налога приняли резолюцию, осуждавшую это деспотичное решение, и направили в городское управление требование предоставить мне право выступить. Увидев, что у меня есть друзья среди американцев, диктатор из департамента полиции спрятал когти. «Эмма Гольдман сможет выступить, — заявил он, — если согласится соблюсти небольшую формальность и прежде позволит мне прочесть текст её лекции».

Разумеется, я никогда не стала бы делать подобного, ведь я не признавала цензуру. Поэтому начальник запретил мне выступать. «Митинг состоится, — объявил он, — но Эмму Гольдман не пустят в Одд Феллоу Холл, даже если мне придётся призвать на помощь всех полицейских, чтобы это предотвратить».

Начальник сдержал обещание. Он приставил ко мне шесть людей в штатском, которые оккупировали вход в маленький отель, где я поселилась. Вечером я отправилась в Одд Феллоу Холл в сопровождении адвоката Лиги за свободу слова Филадельфии, и сыщики шли за нами по пятам. За несколько кварталов до зала начали попадаться отряды полиции: пешей, конной, на автомобилях. Меня не только не пустили в зал, но заставили вернуться в гостиницу путём, который выбрали полицейские, не упуская меня из виду, пока я не оказалась в своей комнате. Митинг состоялся, на нём выступили анархисты, социалисты и приверженцы единого налога, но не Эмма Гольдман. Так Филадельфия была спасена.

Приверженцы единого налога и члены Лиги за свободу слова настаивали на необходимости обжалования этого дела в суде. Я не верила в законные процедуры, но мои друзья считали, если я откажусь, полиция продолжит использовать свою тактику. Судебная тяжба привлечёт внимание общества к «русским» методам, которыми они пытаются меня подавить. Вольтарина де Клер тоже считала, что это дело стоящее, и я согласилась.

Тем временем газеты публиковали сенсационные истории о происходящем, а сыщики всё дежурили у дверей отеля. Владелец, в чём-то либерал, был чрезвычайно добр ко мне, но излишняя публичность вредила его бизнесу. Поэтому мы перебрались в отель побольше. Едва я начала распаковывать вещи, как вдруг мне сообщили по телефону, что произошла ошибка: наши комнаты уже были кем-то забронированы ранее, как и все остальные комнаты в отеле. Такой же приём ждал нас и в других гостиницах. Против Бена никто не возражал, но меня здесь видеть не хотели.

Наконец я нашла кров у моих американских друзей. В течение трёх недель их дом находился под постоянным наблюдением, а за мной следили от порога квартиры и до самого возвращения. Вдобавок полиция пыталась подкупить горничную, чтобы та следила за моей комнатой и докладывала, что происходит. Но добрая душа отказалась. Вместо этого она помогла мне ускользнуть от бдительных сыщиков на целый день.

Моё присутствие срочно требовалось в Нью-Йорке. Утром в воскресенье 13 октября горничная вывела нас с Беном через чёрный ход и несколько дворов в переулок. Незамеченные, мы добрались до железнодорожного вокзала и вскоре мчались на восток.

Нашей целью в Нью-Йорке был массовый митинг в честь Франсиско Феррера, ставшего жертвой испанского католицизма и милитаризма.

Восемь лет римско-католическая церковь вела бескомпромиссную войну с Франсиско Феррером. Он посмел ударить её в самое уязвимое место. Между 1901 и 1909 годами он основал 109 современных школ, а его пример вдохновил либеральных деятелей создать триста светских образовательных учреждений. Католическая Испания никогда не сталкивалась с подобной наглостью, но больше всего не давали покоя отцам церкви независимые школы Феррера. Церковники были разгневаны попыткой освободить ребёнка от суеверия и фанатизма, от мрака догмы и авторитаризма. Церковь и Государство - чувствовали опасность для своего многовекового господства и пытались раздавить Феррера. И практически преуспели в этом в 1906 году. Тогда они инициировали его арест в связи с покушением Морраля на жизнь испанского Короля.

Матео Морраль, молодой анархист, пожертвовал состоянием на библиотеку Современной школы и помогал Ферреру в качестве библиотекаря. После неудавшегося покушения он покончил с собой. Тогда испанские власти обнаружили связь Матео Морраля с Современной школой. Франсиско Феррер был арестован. Вся Испания знала Феррера как противника политического диктата, твёрдо верящего в идею современного образования как альтернативу насилию. Впрочем, от властей это его не спасло. Волна протестов по всему миру выручила Феррера в 1906 году, но теперь Церковь и Государство жаждали его крови.

Пока Франсиско Феррера разыскивали власти, он жил с товарищем в десяти милях от Барселоны. Там он был в полной безопасности и мог избежать гнева Церкви и военных клик, желавших его смерти. Однажды Феррер прочёл официальное обращение, обещавшее расстрел любому, кто его укрывает. Он решил сдаться. Друзья анархисты, у которых он жил, были бедны и имели пятерых детей; они знали о грозящей опасности, но уговаривали Феррера остаться с ними. Чтобы их успокоить, он обещал не уходить. Но ночью, пока все спали, Феррер выбрался из дома через окно своей комнаты и отправился пешком в Барселону. Его узнали на подступах к городу и арестовали.

После судилища Франсиско Феррера приговорили к смерти и расстреляли в стенах тюрьмы Монжуик. Он умер так, как жил, и с последним вздохом провозгласил: «Да здравствует Современная школа!»

Посетив мемориальный митинг в честь Франсиско Феррера в Нью-Йорке, я вернулась в Филадельфию продолжать нашу борьбу за свободу слова. Ожидая решения суда по этому делу, мы организовали в моей комнате встречу комитета, отвечавшего за кампанию. Мы спокойно пили кофе и обсуждали вопросы, когда послышался настойчивый стук в дверь. Несколько полицейских ворвались в комнату.

«Вы проводите тайное собрание», — заявил их командир и приказал нам расходиться.

«Как вы смеете прерывать вечеринку в честь моего дня рождения? — возмутилась я. — Это мои гости, которые пришли меня поздравить. Или это считается преступлением в Филадельфии?»

«День рождения, неужели? — оскалился офицер. — Не знал, что анархисты отмечают дни рождения. Мы подождём снаружи, посмотрим, как долго вы будете праздновать».

Некоторые приверженцы единого налога очень возмущались, но не потому, что полиция нагло вторглась в наш дружеский круг, а из-за нарушения права священной частной собственности. Вскоре мои гости разошлись, а я задумалась о том, что из трудностей, с которыми мы, анархисты, сталкиваемся, сложнее преодолеть: влияние, которое оказывает на человека чувство собственности, или его вера в Государство.

Наша кампания завершилась массовым митингом под эгидой Лиги за свободу слова. Председательствовал Леонард Эбботт, среди выступавших были экс-конгрессмен Роберт Бейкер, Фрэнк Стивенс, Теодор Шрёдер, Джордж Браун («философ-сапожник»), Вольтарина де Клер и Бен Рейтман. Были зачитаны письма протеста против запрета на мои выступления от Горация Траубеля²⁸, Чарльза Эдварда Рассела²⁹, Роуз Пастор Строукс³⁰, Олдена Фримана, Уильяма Мэриона Риди и других.

Некоторое время спустя начальник общественной безопасности Филадельфии был уволен с поста из-за обвинений в мошенничестве и взяточничестве.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 18 апреля 2025 19:48:33

██████████ ██████████ обновил 18 апреля 2025 19:51:21